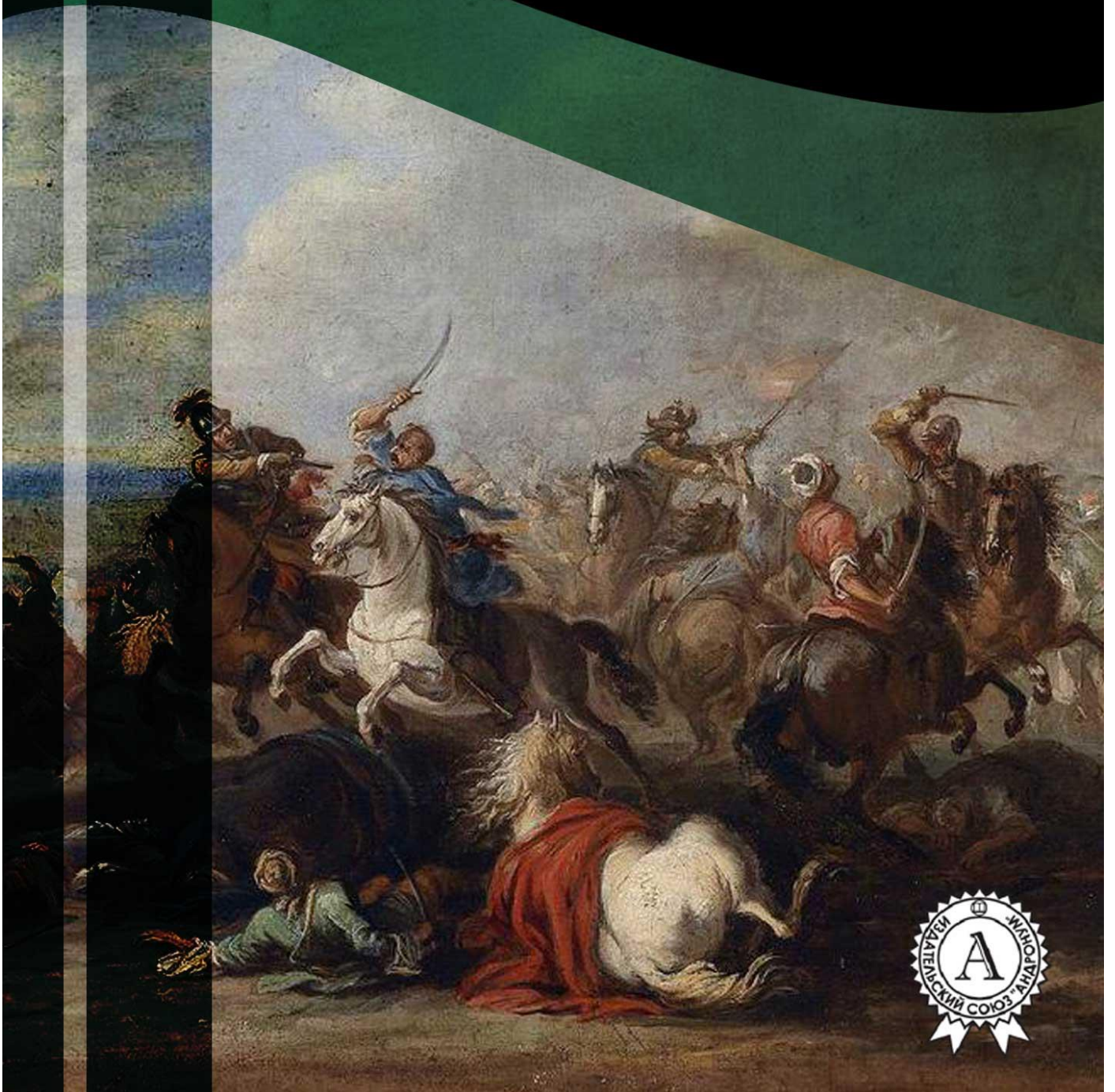

ВОЛЬТЕР

ТАНКРЕД

Аннотация

«Танкред» — драма Вольтера, написанная в 1760 году. В классическую по всем канонам трагедию Вольтер привнес нотки чувствительности и романтическую живописность.

Вернувшийся из изгнания рыцарь Танкред, страстно преданный отчизне, мечтает о счастье со своей возлюбленной Аменаидой, дочерью главы рыцарского ордена. Отец же прекрасной девы хочет выдать её за военачальника Орбассана...

Вольтер (1694—1778) — великий французский писатель, поэт, драматург, философ-просветитель XVIII века, историк, публицист. Творческое наследие Вольтера разнообразно по темам и жанрам: философская повесть "Кандид, или Оптимизм", трагедия в стиле классицизма "Танкред", публицистика, исторические сочинения.

Вольтер

Танкред

(Трагедия в пяти действиях)

Действующие лица:

Аржир , **Танкред** , **Орбассан**, **Лоредан**, **Катан** — рыцари.

Альдамон , воин.

Аменаида , дочь Аржира.

Фани , наперсница Аменаиды.

Многие рыцари, присутствующие в совете, щитоносцы, воины и народ.

Действие в зале совета в Аржировом доме, потом на площади.

Действие первое

Явление первое

Собрание рыцарей, которые сидят полукругом.

Аржир

Вожди и рыцари, Сицилии сыны,
Герои-мстители отеческой страны!
Вы, престарелые мои почтивши лета,
Собрались у меня для важного совета,
Как нам несущих брань тиранов отразить,
И славу и покой отчизне возвратить.
Давно сей стонет град от наших распрь несчастных.
Бесплодно мужество, где нет сердец согласных.
Пора — соединясь, на мусульман восстать;
О други! нам пора от гибели спасать
Стяжанных кровью благ остаток драгоценный,
Для благородных душ всех более священный,
Свободу, — вот о чем пещись мы все должны.
Два сильные врага сей бедственной страны,
Бичи народных прав, враги святой свободы,
Византские цари, срацинские народы
Презренным рабством нам досель еще грозят.
Сии властители вселенную делят
И спорят лишь о том, какой тиран меж ними
Нас вправе отягчить оковами своими.
Уже Мессину грек тиранством утеснил,
Надменный Солгмир давно поработил
И Этной пламенной венчанье равнины,
И древний Агригент, и Эннские долины.
Всё предвещало нам паденье Сиракуз,
Отечеству позор и бремя рабских уз!
Но алчные враги взаимно взревновали;
Восставши нас терзать, друг на друга восстали,
Ведя о жертве спор, лишились сами сил.
К свободе верный путь сам бог для нас открыл!
Вот миг тот счастливый и жданный многи лета:
Уже стареется величье Магомета;
Европу менее страшит уже сей враг:

Во Франции Мартель, в Гишпании Пелаг,
И церкви римской вождь Леон, поборник веры,
Как гордого смирать нам подали примеры, —
Я знаю, город наш раздорами смущен,
И прежней вольности и прежних сил лишен.
Не буду вспоминать дней горестных пред вами,
Когда против себя мы восставали сами,
Когда отчизна кровь детей своих лила, —
Забвенью предадим позорные дела!
Мы душу, Орбассан, единую составим,
К единой цели мы все помыслы направим,
Чтоб славу возратить отеческим странам;
И, не терпевшие доселе равных нам,
Умрем, не потерпев властителя над нами!

Орбассан

Ты справедлив, Аржир; меж нашими домами
Несчастливая вражда давно поселена;
Страдала от нее родимая страна.
Давно желают зреть печальны Сиракузы,
Чтобы мой род с твоим связали дружбы узы.
Аржир, теперь должны друг другу мы помочь:
Супругой я беру твою любезную дочь;
Отечеству, тебе полезным быть горжуся,
И сам, от алтаря, где в том вам поклянуся,
Иду за вас мечом я Соламиру мстить.
Но должно не его единого сразить;
И на других врагов нам время обратиться;
Других тиранов мы должны еще страшиться,
К которым подлая чернь поднесь хранит любовь.
И по каким правам от Сенских берегов,
Везде скитался, надменные французы
Вселились на берегах цветущих Аретузы?
И по каким правам, стран чуждых граждан,
Кусси надменный к нам пришел как властелин
И Сиракуз в стенах свободно водворился?
Сначала кроток был и службой нам гордился;
Но вдруг он напыщен, как повелитель, стал.
Наследства род его несметные стяжал
И, нагло властвуя прельщенным здесь народом,
Дерзнул возвыситься над Орбассана родом.
За то наказан он: мы всех его детей
Узрели изгнанных из здешних областей.
Танкред, от племени враждебного рожденный,
Еще в младенчестве из стен сих удаленный,
Служил в Византии под знаменем царей.
Он горд и, верно, храбр и, верно, всей душой
Не терпит наших прав, законы презирает,
И чтобы нам отмстить — лишь время избирает.
Француза каждого приязнь для нас страшна!
Три ратника простых в недавни времена,
Скитальцы бедные, сыны снегов нормандских,
Поставили их власть в полях апулианских
Без всяких прав, кроме единых прав войны:
Свергать властителей и расхищать страны.
Аравлянин и грек, германцы и французы —
Все пожирают нас, стекаясь в Сиракузы;

И наши, тучностью несчастные поля,
И зависть хищную и алчность воспаля,
Манят грабителей и с севера и с юга.
Всем должно нам восстать и мстить им друг за друга
Измену сколько раз мы зрели в граде сем.
Восставим свой закон и строго соблюдаем:
Лишает чести он и смертию карает
Того, кто со врагом в связь тайную вступает,
На гибель стран родных с ним явно устремлен:
Пощадою всегда изменник ободрен.
Не должно снисходить ни к возрасту, ни к роду.
Господство утвердить и сохранить свободу
Венеция могла лишь строгостью своей.
В благоразумии последуем мы ей,
Врагов отечества без жалости карая.

Оредан

Так, истинно позор для сицилийска края,
Что Соламир, сей мавр, магометанин сей
Находит для себя в Сицилии друзей!
Что в бранной сей земле, в стране сей христианской,
Что между нас самих властитель мусульманской
Развратных граждан мог дарами закупить!
То при дворах царей стараясь нам вредить,
То в град наш с хитрыми условиями вступая,
Там бранию грозя, здесь мир нам предлагая,
Вселял меж нас раздор, старался обольщать
И души роскошью восточной развращать.
Взгляните, как меж нас от сладкой сей отравы
Растлились честные отеческие нравы!
И сколько ныне здесь обольщено граждан
Науками, трудом лишь праздных аравлян;
Они им преданных навек поработают;
Прямые рыцари науки презирают.
Нам нужно знать одно — науку побеждать;
Других наук, друзья, я не желаю знать.
На мужество свое, на ваше уповаю,
И так, как Орбассан, я строгость одобряю,
Блюстительницу прав свободных областей.
Гишпанию один поработил злодей.
Он между нами был, он может вновь явиться.
Пусть кар ужаснейших измена здесь страшится;
Для блага общего всю жалость истребим.
Сразимся с маврами, Танкреда отчуждим.
Противной крови нам потомок сей последний,
Свободы нашей враг, и враг всех боле вредный.
Совет наш праведно и мудро положил,
Чтоб Орбассан в его наследие вступил:
Да истребится сонм злодеев сокровенных,
К Танкреда имени доселе прилепленных.
Его имущество да будет в род твоим,
О храбрый Орбассан!

Катан

Мы все то утвердим.
Танкред могуществом в Царьграде пусть блистает;

Пусть подвиги его двор вражеский венчает.
Танкред, свою главу склонивши, пред царем —
Всего себя лишил в отечестве своем
И отчуждился сам от наших прав священных.
Да будет изгнан он; раб кесарей надменных
В республике ничем не должен обладать.
Но Орбассан всегда стремился охранять
Свободу наших прав; так можно ль меньшей мздою
Признательной стране воздать сему герою?

Аржир

Люблю я дочь мою, и Орбассан мой зять;
Но собственность для них у сироты отнять?...
Вы вняли, рыцари, что я не соглашаюсь.

Лоредан

Сенат поносишь?

Аржир

Нет, жестокостью гнушаюсь.
Когда ж покорствовать закону должно мне,
Когда в том выгода отеческой стране,
Для ней сердечное роптанье заглушаю.

Орбассан

Награды слабой сей искать я не желаю;
Пусть общество возьмет Танкредов весь удел.

Аржир

Оставим речь сию для больше важных дел.
Так, завтра брак сверша, приблизим день счастливый,
В который общий наш смирится враг кичливый
И победителя познает Соламир.
Сей враг, соперник твой, нам предлагая мир,
С моею дочерью дерзал союзом льститься,
И мнил, что должен я родством его гордиться.
Иди, и торжествуй над наглым сим врагом.
Друзья, да будет наш готов весь ратный сонм.
Но я, лишенный сил преклонными годами,
Повелевать в бою не смею боле вами.
Да будет Орбассан вам вождь в пути побед,
Я ж, старец, коль смогу идти за вами вслед,
И в том поставлю честь; я буду близ героев,
И духом обновлюсь среди кровавых боев;
И прежде чем глаза навеки затворю,
В победе над врагом еще я вас узрю.

Лоредан

Ты будешь нам вождем, и мы надеждой льстимся,
Что с боя в сей же день со славой возвратимся.
Сражаясь при тебе, иль лавры мы пожнем
Или в глазах твоих все мертвыми падем.

Явление второе

Аржир и Орбассан.

Аржир

Могу ли, Орбассан, обнять тебя как сына?
Раздора нашего забыта ли причина?
Могу ли, как отец, себя надеждой льстить,
Что ты подпора мне?

Орбассан

Уверен можешь быть.
Люблю отечество, оно нас примиряет,
И брак и общая нас польза съединяет.
Но не ввело б ничто меня в союз с тобой,
Когда б душа моя, горевшая враждой,
И в самой сей вражде тебя не почитала.
Цепь новую для нас хотя любовь сплетала,
Но не одна любовь на брак влечет меня;
Не будет наш союз плодом того огня,
Который миг родит и миг уничтожает
И часто вслед за ним вражду лишь оставляет.
Сын Марсов и слуга отеческой страны,
Я не привык вздыхать средь ужасов войны,
Надежда с браком мне важнее представлялась:
Скрепленье дружбы той, что между нас рождалась,
И слава Сиракуз и польза обоих.
Любовь, пред важностью взаимных выгод сих,
Свое могущество минутное теряет.
Пусть узы дружества рука ее скрепляет;
Но слабый глас любви в то время да молчит,
Когда вокруг наших стен оружие гремит.

Аржир

Сей гордый, бранный дух почтение внушает;
Но не суровость нас, а кротость лишь пленяет.
Я льщуся, что, любви ты сердце покоря
И грозное чело пред девою смиря,
Признаешь страсти плен, тебе, конечно, новый.

Орбассан

Я льщусь равно, что ты простишь мой нрав суровый:
Возросши в воинстве, я к лести не привык;
Сей суетных учтивств обманчивый язык,
Сия для слабых душ сокрытая отрава
Чужда для прямоты воинственного нрава.
В Аменаиде я не красоты мечту,
Но добродетели и дочь героя чту,
И, с ней вступя в союз, тобой усыновленный,
Снискать ее любовь почту за долг священный.

Аржир

Но, призванная мной, она идет пред нас.

Явление третье

Аржир, Орбассан и Аменаида.

Аржир

Ко благу сей страны граждан всеобщий глас,
Отец и бог — тебе назначили супруга.
Сей рыцарь, в ком теперь я обретаю друга,
Согласья твоего меня порукой зрит.
Ты знаешь, сколько здесь он саном знаменит:
Сильнейший гражданин, к победам вождь избранный,
Танкреда весь удел ему законом данный...

Аменаида
(в сторону)

Танкреда!

Аржир

Но не сей, ничтожной мне ценой,
Возвысится союз, свершаемый тобой.

Орбассан

Союз сей лестен мне, и будет лестен боле,
Коль сердце дочери отца покорно воле.
Да возмогу и я сей выбор заслужить
И счастья всех троих надежду совершить.

Аменаида

Всегда твоя душа, родитель, разделяла
Все горести мои, и счастья мне желала.
Героя выбор твой супругом мне дает;
И скорбный ваш раздор, пылавший столько лет,
Когда от вас навек забвенью предается,
То дружбы вашей дочь залогом остается.
Союза важного всю цену вижу я.
Но Орбассан простит, когда душа моя,
Разима с юности судьбою раздраженной
И возмущенная внезапной переменой,
В объятиях отца спокоится на миг.

Орбассан

И сделать то должна; почтенных чувств таких
Дочерней нежности я воспретить не смею;
Тех прав, что над тобой с сего я дня имею,
Во зло не обращаю. Теперь — спешу на бой;
Мне должно заслужить почтенный брак с тобой;
Ласкаюсь, что в сей день свершу надежду вашу,
И брачные венцы я лаврами украшу.

Явление четвертое

Аржир и Аменаида.

Аржир

Но ты смущаешься, безмолвствуешь, стена,
И слезы на очах скрываешь от меня?
Упреки ясно мне сей вздох предзнаменует:
Язык преслушен нам, коль сердце негодует.

Аменаида

Родитель! признаюсь — я думать не могла,
Чтоб, столько претерпев от Орбассана зла,
Ты некогда престал пылать к нему враждою;
Чтоб я, соединя вас трепетной рукою,
Супругом назвала злодея твоего?
Забуду ль ужасы раздора я того,
Как мятежом граждан, врагов твоих к отраде,
Ты крова был лишен в отечественном граде?
Как мать, гонимая в родных своих стенах,
Искала жалости на чуждых берегах?
Как, от груди отца оторванная с нею,
В столице кесарей, с опорой слабой сею
Делила я печаль, сносила иго бед
И злополучие познала с юных лет!
Но я у матери, в стране чужой и дальней
Училась терпеть изгнанных рок печальный;
Сносить училась в несчастьи моем
И гордого двора презорливый прием,
И жалость хладных душ, тягчайшую презренья!
И в мрачной доле сей, в училище терпенья
Примером матери образовалась я.
Но вдруг лишась всего с потерей ея,
Я в мире с ужасом одну себя узрела,
Как трость пустынная, защиты не имела!
Но рок смягчился к нам: несчастливый сей град
Стяжанье, честь, права отдал тебе назад;
Судьбу оружия вручил твоей он длани,
И пали пред тобой враги в кровавой брани;
В объятия отца я вновь возвращена;
И новая гроза над мною собрана!
Ты брака моего светильник возжигашь;
Я знаю выгоды, которых ожидаешь;
Но жертвою врагов была до сих я дней;
А ныне зрю себя — я жертвою твоей!
И день, который вы для брака мне избрали,
Быть может, будет нам днем бедствий и печали.

Аржир

Он будет счастливым, отцу поверь ты в том;
Блаженства твоего не буду я врагом.
Любезную мне дочь вручаю я герою,
Который мавру, нам грозящему войною,

В сей самый день за нас мстить бранию готов;
Он был противник мой, теперь он наш покров.

Аменаида

Покров? возносишь ты заслуги Орбассана;
Но блеск меня не льстит высокого толь сана;
И я желала бы, чтоб вождь толиких сил
Для выгод собственных невинных не теснил.

Аржир

Так, весь сенат, храня от рабства град сей вольный,
В Танкреде наказал род чуждый и крамольный.
Он, долго власть свою нам обращая в вред,
Здесь приобрел врагов.

Аменаида

Но и досель Танкред,
Коль верить мне молве, в сем граде уважаем.

Аржир

И мы в нем доблести героя почитаем;
Уже Иллирию, гласят, он покори́л;
Но чем усерднее он кесарям служил,
От родины своей тем боле отчуждался,
И навсегда отсель законами изгнался.

Аменаида

Танкред!

Аржир

Опасен нам крамольника возврат;
В Царьграде ты могла заметить много крат
К нам ненависть его.

Аменаида

Нет! — мавра победитель,
И слабых Сиракуз был, верно б, он спаситель —
Вот мать моя всегда как думала о нем.
Когда ж свирепствуя враги во граде сем,
За Орбассанов род все на тебя восстали,
Расхитили твой дом, родных твоих изгнали,
Танкред презрел бы смерть, чтоб защитить тебя:
Вот как судила я.

Аржир

О дочь, приди в себя:
К советам нежного родителя склонися,
С местами, с временем теперь сообразися:
Танкред и Соламир и византийский двор
Здесь ненавистны всем, друзья их нам позор!

Путь к счастью тебе в покорности остался.
Я весь мой долгий век за родину сражался;
Неблагодарной, ей, как верный сын служил;
Несправедливую, всегда ее любил;
Так буду поступать до самой я могилы.
Последуй мне, утешь ты старца дни унылы.
Жизнь треволненную готов я окончать:
Твою — обязана ты долгу покорять;
И с миром очи я, сходя во гроб, закрою,
Коль счастье твое пред смертью устрою.

Аменаида

Заботься менее об участи моей.
Не сожалею я, оставив двор царей:
Родитель, всё в моем ты сердце заменяешь;
Но им поспешно так почто располагаешь?
На Орбассанову ты дружбу положишь,
Считаешь прочною и власть его и связь;
Но всё премеичиво. Увы! сему герою,
Быть может, рано ты дал право надо мною.

Аржир

Как, что ты говоришь?

Аменаида

Прости, коль речью сей,
Быть может, нанесла я скорбь душе твоей.
Я знаю, что наш пол, в сей области свободы,
Законом осужден скрывать и глас природы;
Но сердце пред тобой не в силах чувств сокрыть,
Прости, когда дерзну родителя спросить:
Зачем, как сей союз предположить решился,
Ты сердца дочери несчастной не спросился?
Ах! что переменить любовь твою могло?

Аржир

Ты, ты одна, ее употреби во зло.
Доселе я внимал, скрывая гнев правдивый,
Но больше не внемлю я дочери строптивой.
Не можно твоего союза мне прервать:
Я слово дал; ему бесчестно изменять.
Несчастливым я рожден, сама ты мне вещала:
Всегда судьба мои надежды разрушала;
Весь скорбный век мой был как море в бурный час.
Порадуй, о мой бог, меня ты в первый раз!
Да дочь, сверша сей брак, в нем счастье познает
И радостней, чем я, путь жизни протекает.

Явление пятое

Аменаида

Танкред, о друг души! как, мне толь слабой быть?

Для твоего врага любовь твою забыть?
Быть низкою, как он, и, клятвам изменяя,
С сим хищником твое наследство разделяя,
Чтоб я теперь могла...

Явление шестое

Аменаида и Фани.

Аменаида

О Фани, поспеши!
Познай, о верный друг, всю грусть моей души:
Отцом я названа супругой Орбассану!

Фани

Как! сердцу твоему наносят нову рану?
Но тщетно льстился им кичливый мусульман,
И тщетно, вняв отцу, сей рыцарь Орбассан
Над избранным тобой дерзает возвышаться;
Твоя душа верна.

Аменаида

Ах! можно ль сомневаться?
Танкред лишен всего, гоним здесь от врагов;
Но быть в гонении — героя рок таков;
А мой — его любить всех более на свете!
О Фани, в сих стенах жалеют о Танкреде?
Народом он любим...

Фани

Гонимый с юных дней,
В своем отечестве забыт он от друзей;
Об участи его немногие жалеют.
Вельможи здесь одну корысть в виду имеют;
Народ, сей страстью чувств еще не заглушив,
И боле жалостлив...

Аменаида

И боле справедлив.

Фани

Но здесь он угнетен; и сонм друзей сокрытый
Изгнанника сего не смеет быть защитой.
Жесток и всемогущ верховный здесь совет.

Аменаида

Он всемогущ, когда отсутствует Танкред.

Фани

О, если бы он мог во граде сем явиться,
Тогда могла б твоя надежда совершиться.
Но тщетно всё, увы, от нас он удален;
Надежда...

Аменаида

В боге вся! меня услышит он!
Вверяюся тебе: Танкред уж недалеко;
И как толпа врагов, свершая ков жестокий,
Его на вечное изгнание обрекла,
И как тиранов власть пределы превзошла, —
Вот время — и Танкред к их трепету явится.
Уже в Мессине он.

Фани

О небо! и свершится
Сей недостойный брак в Танкредовых глазах?

Аменаида

Нет — не свершится он... нет, Фани, тщетен страх!
И, может быть, мои гонители со мною
Владыку одного признают над собою.
Познай, открою всё, — но твердость нам нужна:
Постыдно иго мне — и свергнуть я должна.
Гоненьем робкая душа моя крепится.
Бесчестно изменить, и подло покориться.
Так, для меня одной здесь явится Танкред,
И льщусь, того меня достойною найдет. —
Кто? я, отцом моим жестоко угнетенна,
Как слабая раба тирану обреченна,
Чтоб я могла, как долг, измену совершить?...
Нет, нет! меня ничто не может утратить!
Любовь и в робкий пол бесстрашие вселяет.
Пускай моя любовь Танкреда возвращает;
И если зрю беды в намереньях моих,
Они приятны мне, любовь рождает их.

Конец первого действия.

Действие второе

Явление первое

Аменаида и Фани.

Аменаида

Что делаю? в душе невольное волненье!
Не угрызения ль?... родит их преступленье,
Но небо ведает, как чуждо мне оно. —
Так успокоимся. (*Ко входящей Фани*) Всё ль,
Фани, свершено?

Фани

Невольник отошел с письмом, тобой врученным.

Аменаида

Важнейшим таинством, в сем сердце заключенным,
Теперь владеет он; не сомневаюсь в нем;
Всегда он верен мне в служении своем;
Им убежденный мавр письмо мое к герою
В Мессину принесет с заутренней зарею.

Фани

Страшусь — и тем одним я рассеваю страх,
Что имя рыцаря, о коем в сих стенах
Молва единая тиранов ужасала,
Что имя ты сие в письме не начертала;
И что его один узнает лишь Танкред.
Но всё смущаюсь я, чтоб небо новых бед...

Аменаида

Сим небом дни мои от юности хранятся;
Танкред к нам им ведом, и мне ль теперь смущаться?

Фани

В других пределах вас да соединит оно;
Здесь всё против него враждой возбуждено.
Друзья его молчат, и кем он защитится?

Аменаида

Своею славою! Лишь должен здесь явиться —
Владыкой будет он; он всех пленит собой:
Смягчает все сердца страдающий герой.

Фани

Опасен враг его...

Аменаида

Рассей боязнь мечтаний
И не смущай моих ты твердых ожиданий;
Ты не забудь, что мать в последний жизни час,
На смертном уж одре благословила нас,
Что мой с тех пор Танкред, что нет на свете власти,
Могущей истребить взаимность нашей страсти. —
Ах, в недрах славы с ним, Византии в стенах
Тужили часто мы о скорбных сих странах;
С ним часто жадный взор к полям сим обращали,
К полям, где обрести блаженство мы мечтали.
И думала ли я, чтоб здесь враждебный рок
Танкредова врага супругом дать мне мог.
И чтоб сей враг принес — как дар, мне на терзанье,
Им похищенное Танкредово стяжанье?...
Нет — пусть уведает он о злодействах сих;

Пусть вспомнит о себе, о бедствиях моих,
И защитит права, нарушенны безбожно.
Чтоб за Танкреда мстить, я делаю что должно;
Коль можно б — сделала и более сего!..
Люблю, страшусь отца и старость чту его,
Но я воздвигла б здесь стелящие народы
На Орбассана, нас лишившего свободы.
Он славных рыцарей почтенный сан срамит:
Корыстен, горд, жесток, и он о чести мнит!
И вольности граждан покровом быть мечтает!
Он стыд готовит мне, а мой отец свершает!
И я должна терпеть? и я должна молчать?
Брак с ненавистным мне должна я в честь вменить?...
Ах! в вольном граде сем тиранство так гонимо;
Но всех несноснее и больше всех терпимо
Хотящее сердцам законы подавать
И силою своей их чувства изменять.
Но жребий мой решен.

Фани

Но ты пред сим страшилась.

Аменаида

Я боле не страшусь.

Фани

Молва распространилась,
Что страшный изречен Танкреду приговор;
Он смертью всем грозит, кто б смел с ним в заговор...

Аменаида

Я слышала о нем, и ужасом смутилась;
Но верная любовь, скажи, когда страшилась?
О Фани! мной любим бестрепетный герой;
Бестрепетна и я.

Фани

Ужель и над тобой
Жестокий сей закон возможен совершиться?
Одной лишь черни в страх он, верно, возвестится.

Аменаида

Танкреда он гнетет, и ненавистен он!
О, сколь сих рыцарей достоин сей закон!
Ах, нет! не так себя их предки прославляли;
Не так они страны и души покоряли.
Италия, признав господство воев сих
И их меча страшась, любила кротость их;
Завистная вражда их душ не помрачала,
И честь — сих витязей сердца соединяла.
Они вселяли страх в одних своих врагов;
Народ любил их власть и лил на битвах кровь

Для славы рыцарей и собственной свободы.
Смиряться тогда византские народы,
И мавра грозного не трепетал сей град.
А ныне что в нем зрю? бессильный лишь сенат,
Подозревающий, враждою разделенный,
Страшущий сам себя и гражданам презренный.
Чрезмерно, может быть, мой дух воспламенен;
Предубеждением, быть может, ослеплен;
Но всё, что не Танкред, — я всё то ненавижу;
Я в мире ничего, кроме его, не вижу;
Танкред один везде, всегда в моих очах,
И каждый враг его — Аменаиде враг!

Явление второе

Аменаида, Фани, вблизи Аржир и рыцари во глубине театра.

Аржир

Удар сей перенести, друзья, мне дайте силу...
Не мнил я низойти с бесчестием в могилу!
(К дочери, со вздохами, прерываемыми гневом)
Беги, несчастная, не возмущай собой...
Беги...

Аменаида

Что слышу я? и ты, родитель мой...

Аржир

И имя ты сие произносить дерзаешь,
Когда отечеству и чести изменяешь?

Аменаида

(сделав шаг, чтобы идти, склоняется на Фани).

Погибла я!

Аржир

Постой и зри ток слез моих.
Ах! что ты сделала?

Аменаида

(рыдая)

Несчастье обоих.

Аржир

Иль слезы о твоём злодействе проливаешь?

Аменаида

Злодейства я чужда.